

Ален ДЕЛОН:

«Я НИКОГДА НЕ БЫЛ ОБОЛЬСТИТЕЛЕМ»

Еще не были подведены итоги очередного Каннского кинофестиваля, но главный объект внимания французской критики и публики не вызывал сомнения: Ален Делон в конкурсном фильме «Возвращение Казановы», в котором режиссер Эдуар Нирман решил показать последнее любовное похождение стареющего великого обольстителя всех времен и народов. Поговаривали, что 56-летний Делон долго отказывался от этой роли, излагая, что героя картины будут непременно ассоциировать с ним самим.

Об этом и многом другом он рассказывает в интервью газете «Паризьен», которое мы предлагаем читателям с некоторыми сокращениями.

— Нравится ли вам быть звездой?

— Да, это прекрасно. Это сказочное, возвышенное, воздушное состояние. Подниматься по ступеням Каннского дворца под овации тысяч людей, возбужденно и тепло принимающих вас...

— Жерар Депардьё в качестве председателя жюри нынешнего фестиваля — для вас это хорошо или нет?

— Я не знаю. У меня нет друзей среди коллег по профессии. Это касается не только его, я не поддерживаю отношений с людьми из мира кино. Уже 35 лет я держусь в стороне. Поэтому меня или любят, или ненавидят. Я принадлежу этой системе, но не среде. Я — независимый актер, как был независимым продюсером. Я — свободный человек. Могу только констатировать: в этом году жюри состоит из выдающихся личностей, что относится и к председателю, и к другим его членам.

— Помните ли вы ваш первый Каннский фестиваль?

— Впервые я там побывал в 1957 году как турист. Я приехал вместе с моим другом Бриали, который тогда был уже «кинозвездочкой», я же ничего собой не представлял. Именно там меня заметил ассистент Рока Хадсона и пригласил на пробы в Рим. Я только что отслужил в армии, делать было нечего. Эти пробы оказались столь успешными, что мне предложили 7-летний контракт в Америке. И тут же послали в Париж на курсы английского языка. Тогда же я встретил Ива Аллегре, который уговорил меня не подписывать контракт. Он объяснил, что француз должен карьеру свою делать во Франции и что у меня будет еще время поехать в Америку. Благодаря ему я остался. И в сентябре 1957 года я снялся в первом фильме Ива Аллегре «Когда вмешивается женщина». Так

что, можно сказать, моя кинематографическая карьера началась именно в Каннах.

— И вот вы опять здесь. Казанова — это вы?

— Нет, это вовсе не я. Это Делон в роли Казановы, и не более того. Взаимное проникновение актера и его героя, конечно, есть, но оно существует всегда. Мне говорили: «С ума сойти, Рокко — это ведь ты!» И так каждый раз, с каждым фильмом. Можно ли сделать мне лучший комплимент?! Но кто же тогда я?

— Как и Казанова, стареющий человек. Это ваша самая смелая роль? В фильме вы страдаете от молодой женщины и морщин, которые оставляет время...

— Я это понял уже потом, только сейчас я это оцениваю, но заранее я об этом не думал.

— Эту роль смогли бы сыграть только вы?

— Нет! Идеалом был бы Марчелло Мastroяни. В некоторых сценах я видел именно его.

— В вашей жизни вы так же легко завоевывали женщин, как Казанова?

— Вовсе нет. Я никогда не был обольстителем. У каждого обольстителя есть свой метод. У меня никогда не было метода, потому что я это не люблю и потому что я в этом не нуждался. Я говорил, что в моей жизни всегда за мной влочились, но никогда — наоборот.

— При таком большом выборе кто из женщин оставил самый яркий след в вашей жизни?

— Все, кого я любил. От Роми Шнайдер до Мирей Дарк и других. Все они заслуживают любви и уважения.

— Когда вы влюблены, вы сохраняете верность?

— Физически? Нет. Но мне повезло, меня любили женщины исключительные и умные. Ум в любви — это

форма понимания всего, что происходит.

— Способны ли вы на такое же понимание в противоположной ситуации?

— Нет. Потому что я никогда не был в подобной ситуации. Я не влюблялся в секс-символы. И я не был в положении маленького человека, живущего с Авой Гарднер или Ритой Хейуорт.

— Скоро десять лет со дня смерти Роми Шнайдер. Что вы чувствуете?

— Я с уважением отношусь ко всяким датам, кроме тех, где присутствует коммерческий интерес. Сейчас у многих стремление извлечь выгоду из памяти великих. Это вызывает у меня содрогание. Я ничего не собираюсь делать в связи с этой датой, и с моей стороны это будет наилучшей данью уважения к ее памяти. Знаете, когда я гуляю по лесу с моими собаками и вспоминаю потрясающие моменты моей жизни, будь то с Роми или с Габенном, мои глаза наполняются слезами, но я ведь не вызываю операторов с камерами.

— И часто вы предаетесь воспоминаниям?

— О да! Я вообще люблю уходить в прошлое. Оно меня преследует, никогда не покидает. Я все храню у себя. Все. Предметы, письма, фотографии 30-летней, 40-летней давности. Я склонен считать, что все самое прекрасное позади, а не впереди.

— Вы пока еще не женились на Розали, матери вашей полуторгодовой дочери Анушки...

— Я вас заверяю, что, если я когда-нибудь женюсь, это будет в церкви! Но я вам не говорю, что я обязательно женюсь. Сегодня не это главное в моих мыслях. У меня есть еще время.

— У Анушки все в порядке?

— С ней я испытываю великое счастье. С сыном был по-другому, потому что в 55 лет отцовские чувства иные, чем в 25. В 25 ты слишком занят собой, своим будущим, своей карьерой. С дочерью же я открываю для себя удивительные вещи.

— А с Антони, вашим сыном, вы близки?

— Мы ни близки, ни далеки друг от друга. За его карьерой негрудно следить, он на виду. Ему 28 лет, он уже взрослый мужчина. Он выбирает жизнь, какую хочет, карьеру, какую хочет, фильмы, какие хочет. Я очень люблю династии. Мне очень было бы по душе, если бы говорили — Делоны. Все еще возможно.